

МИХАИЛ ДЕЛЯГИН

директор Института проблем глобализации, д.э.н.

КОНЕЦ ЕВРОПЕЙСКОЙ МЕЧТЫ

Зачем России опыт европейской интеграции?

Со времени символического падения Берлинской стены исполнилось заметно больше половины того срока, что Моисей водил евреев по пустыне. Достойный период для подведения хотя бы предварительных итогов евроинтеграции – при том, что они уже вполне бесспорны.

Между тем в России практически отсутствует спокойный и взвешенный анализ этого процесса. Для нашей практики обычно ознакомительное описание передового европейского опыта (с по-советски “отдельными, временными, кое-где еще имеющимися недостатками”), часто осуществляющееся на европейские же гранты, либо, в противовес этому, – жесткие, порой откровенно обиженные нападки со смакованием неудач. В одном случае беспристрастный анализ воспринимается как кощунство, в другом – как потакание стратегическому конкуренту.

И тот, и другой подход идеологизирован и политизирован, что мешает анализу.

Между тем необходимо широкое и беспристрастное изучение опыта европейской интеграции последней четверти века, чтобы выяснить, что получилось, а какие надежды не оправдались и почему. Нам самим предстоит осуществлять реинтеграцию постсоветского пространства, ибо нормальное развитие России без Украины, Белоруссии и Казахстана невозможно, а потому опыт европейского регионального интеграционного проекта является бесценным.

Значительная часть надежд на “возвращение Восточной Европы в Европу” не оправдалась, – и пора понять, почему. С другой стороны, все надежды 20-летней давности, которые могли реализоваться, уже воплощены в жизнь, – и нам как соседям не только в географическом и хозяйственном, но и в культурном смысле важно понимать, что будет дальше.

Хотя российские проблемы если и не глубже, то, во всяком случае, значительно острее европейских, нет никакого сомнения в том, что Европа, как обычно, будет оказывать сильнейшее влияние на пути их развития и решения.

Опыт европейской интеграции нужен нашему обществу не только потому, что Евросоюз остается наряду с США и Китаем одним из трех мировых “центров силы”. Хотя и весьма несамостоятельным, что проявилось в ходе военных операций 2000-х годов.

Не менее важно и то, что Евросоюз является крупнейшим торговым партнером России, – и нужно сохранять уверенность в том, что с ним будет чем

торговать и в отдаленной перспективе (между тем последние годы грузоперевозки постепенно переориентируются на занятую работой, а не нравоучениями Юго-Восточную Азию).

Российскому обществу совершенно необходимо и понимать, будет ли вражда к России, доходящая до русофобии, оставаться в “интегрирующей” Восточной Европе ключевым критерием демократизма. И кем будет считать себя Польша, когда ей придется выбирать, – 27-м членом Евросоюза или 51-м штатом США.

Еще более важна культурно-идеологическая составляющая интереса к Европе и ее опыту. Ведь именно в России, в том числе в самых широких слоях нашего общества, жива идея Европы как средоточия, квинтэссенции цивилизованности и демократичности, высшего выражения “свободы, равенства и братства”. Россия вот уже скоро четверть века живет в условиях национальной катастрофы, именуемой “либеральными реформами”. В ситуации еще более быстрой, чем в развитых странах, варваризации мы отчаянно нуждаемся в том, чтобы нашему стремлению к цивилизованности и культуре было на что опереться не только в прошлом, в воспоминаниях о Советском Союзе, но и в настоящем, в современной Европе. И мы все более остро тревожимся из-за того, что вместо еще недавно казавшихся незыблемыми европейских ценностей все чаще опираемся на воздух.

Европа со времен Древнего Рима и Карла Великого пережила много интеграционных проектов, и значение нынешнего Евросоюза – не столько в его актуальности, сколько в безусловной гуманности: не будем забывать, что прошлый общеевропейский проект пытался реализовать Гитлер, а позапрошлый – Наполеон.

Европа нужна России именно как прививка гуманности, – и неспособность выполнять эту функцию требует углубленного изучения как еще одна угроза нашей цивилизации.

Сближение европейских стран не удалось

Между тем сегодня уже не вызывает никаких сомнений: **европейская интеграция и расширение Евросоюза способствовали не решению, но усугублению его проблем.**

Ключевая проблема Евросоюза – глубочайшая внутренняя дифференциация, связанная не только с уровнем развития экономик, но и с культурным фактором. Носители разных культур, даже таких близких, как французская и немецкая, по-разному реагируют на одни и те же управленческие воздействия, что затрудняет унификацию управления. Ситуация кардинально усугубилась в 2004 году, когда единая Европа расширилась, по сути дела, за пределы своих культурных границ, – но этот вызов не нашел должного управленческого ответа.

Подтягивание восточноевропейских экономик к уровню развитых членов Евросоюза в 1992–2008 годах, наиболее концентрированно отраженное в нижеприведенной таблице, производит глубокое и неоднозначное впечатление.

Таблица 1. Сравнительная динамика развития некоторых стран Евросоюза
(ВВП на душу населения, долл., по отношению к уровню Франции)

Страна	1980	1985	1988	1992	1996	2003	2008	2009	2010	2011
Франция	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Германия*	83,6	84,7	89,3	106,3	109,6	99,1	97,2	96,3	99,1	99,3
Словения	н	н	н	39,1	39,0	48,7	59,0	57,6	57,8	57,7
Чехия	35,6	44,4	32,0	12,9	22,2	30,0	45,1	42,8	44,6	47,7
Словакия	н	н	н	11,2	14,5	20,7	38,3	38,2	39,3	40,3

* Относительно низкие результаты Германии до 1988 года включительно вызваны учетом ее в современных границах (включая ГДР).

Эстония	н	н	н	55,1	12,2	24,3	38,1	34,0	36,2	35,1
Венгрия	16,1	19,6	15,3	15,0	16,1	27,8	33,7	30,4	31,4	30,7
Латвия	н	н	н	2,4	8,5	16,0	32,5	27,0	26,1	26,8
Литва	н	н	н	2,2	8,3	18,0	30,6	26,1	26,9	28,3
Польша	12,4	19,1	10,1	9,6	15,0	19,0	30,1	26,6	30,0	30,1
Румыния	16,0	21,2	14,5	3,5	5,8	9,1	20,2	17,9	18,4	18,8
Болгария	22,9	30,8	29,0	4,0	4,4	8,6	14,2	15,1	15,4	16,3
Дифференциация	2,9	2,3	3,2	4,3	5,0	3,5	3,2	2,8	2,9	2,9

Источник: МВФ, апрель 2011.

Нельзя, в частности, не обратить внимание на следующие важные аспекты:

Прежде всего, несмотря на значительные темпы подтягивания к общеевропейскому уровню развития, рубеж в половину французского уровня по ВВП на душу населения пересекла лишь Словения, причем она вплотную приблизилась к этому уровню еще в 2003 году. Отставание остальных стран, хотя и сокращалось до кризиса, остается качественным, а не количественным. Эти страны по-прежнему не столько “Европа”, сколько “Восточная Европа” в традиционном понимании этих терминов.

Неуклонность подтягивания стран бывшего соцлагеря к уровню “старой Европы” во многом обусловлена катастрофой конца 80-х – начала 90-х годов. Лишь Венгрия достигла своего “относительного” уровня 1980 года уже в 1996 году, то есть через 16 лет, и затем превысила его, несмотря на кризис и нынешнюю стабилизацию; уровень 1985 года (то есть почти накануне рыночных реформ) был уверенно превышен уже в начале 2000-х. Чехия превысила свой “относительный” уровень 1985 года лишь в 2008 году, в 2009-м из-за кризиса вновь “провалилась” ниже него, а затем вернулась на этот уровень. Румыния приблизилась к нему лишь в 2008 году, но потом вновь отступила, Польша почти достигла его лишь в 2003 году, через 18 лет, а Болгария, похоже, не достигнет уже никогда (по крайней мере ее нынешний “относительный” уровень лишь немногим превышает половину уровня 1985 года).

Сохраняется высокая неравномерность развития самих стран Восточной Европы, хотя аутсайдеры частично сменились (место Польши заняла Болгария, Румыния осталась на предпоследнем месте). Разрыв в ВВП на душу населения между наиболее и наименее развитой из пяти стран Восточной Европы (без Прибалтики, Словакии и Словении) в первой половине 80-х годов снижался. Однако после страшного роста в результате катастрофы конца 80-х – начала 90-х годов и последующего выхода на основе разных моделей он лишь в 2008 году достиг уровня 1988 года (когда уже началась рыночная дестабилизация Польши). В 2009–2010 годах, снизившись благодаря кризису, он все равно оставался заметно выше уровня 1985 года (существенно, что в социалистическое время эта дифференциация также заметно снижалась).

Наконец, как показывает кризис 2009 года, прогресс стран Восточной Европы носит неустойчивый характер: кроме Словакии (обладающей мощной нефтеперерабатывающей и химической промышленностью при малом населении, что выводит ее из общего ряда), все они (включая, насколько можно понять, территорию бывшей ГДР), пострадали относительно более сильно, чем взятая за “точку отсчета” Франция. При этом регресс был незначительным в наиболее (Словения и Чехия) и наименее (Болгария) развитых странах; остальные пострадали весьма существенно. При этом Венгрия, например, начала заметно уступать находящейся в крайне тяжелом положении Эстонии.

Большая уязвимость стран Восточной Европы, как и все перечисленное, обусловлено самой моделью европейской интеграции, которую мы сейчас рассмотрим, но пока зафиксируем главное: **глубокая внутренняя дифференциация Евросоюза хотя и снижается, является его фундаментальной особенностью и в обозримом будущем будет носить качественный, а не количественный характер.**

Новый европейский колониализм

С годами крепнет уверенность в том, что сохранение разрыва в уровне развития и хроническая потребность новых членов Евросоюза в помощи отнюдь не случайны, но предопределены самой экономической моделью европейской интеграции.

Ориентация Евросоюза на внутренний рынок, а не на экспорт, – естественное следствие рационального стремления к устойчивому развитию, защищенному от внешних шоков, воспроизводящее экономические модели Советского Союза и Китая. Однако для новых членов это обернулось требованием переориентации внешней торговли на внутренний рынок Евросоюза, что, наряду с кризисом, способствовало ограничению, а то и прямому разрыву торговых связей с Россией.

Поскольку высокотехнологичная продукция новых членов, как правило, была неконкурентоспособна на внутреннем рынке Евросоюза, их европейская ориентация объективно способствовала деиндустриализации этих стран. “Гиперконкуренция” со стороны европейских фирм вела к массовой безработице и деградации рабочей силы, вытеснению населения в сектора с высокой самозагрузкой (мелкую торговлю, малый бизнес и сельское хозяйство). Другим следствием стала широкомасштабная миграция в развитые страны Евросоюза, в которых она существенно “испортила” рынок труда. Наконец, не следует забывать, что чрезмерное “измельчение” бизнеса объективно снижает национальную конкурентоспособность, – в частности, технологический уровень страны.

Экономики Восточной Европы (в первую очередь банковские системы, оставшиеся слабыми) перешли под контроль глобальных корпораций “старой” Европы, которые сохранили промышленность, как правило, там, где имела высококвалифицированная рабочая сила. В странах с менее квалифицированной рабочей силой (Румыния, Болгария, страны Прибалтики) произошла подлинная промышленная катастрофа. При этом квалифицированные работники при открытии границ бежали (в 2007–2008 годах из Румынии уехало 20–30% экономически активного населения – 2–3 млн чел.), создав дефицит рабочей силы и повысив стоимость оставшихся, что во многом лишило соответствующие страны преимуществ дешевизны квалифицированной рабочей силы. Подготовка же ее из-за закрытия соответствующих производств и отказа от массового создания новых почти прекратилась.

Сохраненная промышленность в значительной степени занимается простой сборкой продукции корпораций “старой” Европы, в том числе ориентированной на экспорт на емкие рынки России и Украины.

В результате в странах Восточной Европы возникла двухсекторная экономика, характерная для колоний.

Принципиально важно, что западный капитал, как правило, не создавал новые, но использовал существующие в Восточной Европе ресурсы, придавая модернизации “рефлективный” характер.

Добавочная стоимость выводится в страны базирования глобальных корпораций, что обуславливает парадоксальное сочетание экспортной ориентации (в Румынии 85% инвестиционного импорта идет на обеспечение экспорта) с хроническим дефицитом текущего платежного баланса (во многом за счет высоких инвестиционных доходов).

Президент Чехии Клаус признал, что вступление Чехии в Евросоюз превратило ее в “объект выкачивания денег”. Это касается всех стран Восточной Европы: их сальдо текущих операций платежного баланса еще до начала кризиса (что принципиально) было намного хуже, чем в 1990 году, последнем году существования социалистической системы. (В Болгарии оно снизилось с – 8,3% ВВП в 1990-м до – 25,5% ВВП в последнем предкризисном 2008 году, в Чехии – с 0,00 до – 3,1% ВВП, в Венгрии – с + 1,1 до – 8,4% ВВП, в Польше с + 1,9 до – 5,5% ВВП, в Румынии с – 4,7 до – 12,4% ВВП; за 1992–2008 годы оно снизилось в Словении с + 5,8 до – 5,5% ВВП, в Литве с + 5,3 до – 11,6% ВВП, в Латвии с – 0,3 до – 12,6% ВВП; за 1993–2008 годы в Эстонии с + 1,2 до – 9,3% ВВП, в Словакии с – 4,9 до – 6,5% ВВП.)

Отрицательное сальдо текущего платежного баланса некоторое время может поддерживаться притоком иностранных инвестиций, однако при хроническом характере означает “жизнь в долг” с высокой зависимостью от внеш-

них шоков и рисками девальваций либо, если они невозможны (например, из-за вступления в зону евро), ведёт к ухудшению социальной защиты.

При этом структурные фонды Евросоюза обуславливают выделение средств жесткими условиями, которым сложно соответствовать. Так, в 2007 году Румыния смогла использовать лишь 400 млн евро из 2 млрд, на которые была вправе рассчитывать. В то же время ее взнос в бюджет Евросоюза составил 1,1 млрд евро (1,8% ВВП), то есть Румыния стала не бенефициаром, а донором Евросоюза, и возникли опасения закрепления этого положения.

Во всей Восточной Европе мы видим массовую скупку активов, в ходе которой западные корпорации становятся хозяевами не только банковских систем, но и всей экономики, а через нее – и политики стран Восточной Европы. Показателен провал попытки выработать стратегию развития экономики Румынии: выяснилось, что ее будущее в решающей степени определяется не национальными властями, но корпорациями “старой” Европы. Если это суверенитет, то что такое колониальная зависимость? И где тот суверенитет, который от России по инерции требуют признавать и уважать?

Развитые страны (в том числе в рамках Восточного партнерства) действуют (возможно, бессознательно) по принципу “Возьмите наши стандарты, а мы возьмем ваши ресурсы и уничтожим то, чем вы можете конкурировать с нами”. В целом это все более напоминает не справедливую, но неоколониальную модель сотрудничества.

Имманентный управленческий кризис

Глубокая и неустраняемая внутренняя дифференциация Евросоюза оборачивается серьезным различием интересов его членов, которое, в свою очередь, превращает практически все значимые решения в плоды сложнейших многоуровневых компромиссов.

Вступление в силу Лиссабонского договора облегчило этот процесс (введя формальный критерий достаточности поддержки при принятии решений), но одновременно обострило внутреннюю напряженность в Евросоюзе, создав угрозу того, что некоторые страны часто будут оказываться в меньшинстве, а малые страны станут заметно менее значимыми.

Однако многоуровневый компромисс как основной инструмент выработки решений сохранился, – и, соответственно, корректировать их после выработки по-прежнему крайне сложно, что сохраняет поразительную негибкость позиции Евросоюза. Поскольку эта позиция естественным образом вырабатывается без участия третьих стран (например, России), она, как правило, оказывается негибкой за их, в том числе и за наш, счет.

Заранее принятые и не подлежащие корректировке решения затрудняют плодотворную дискуссию с представителями Евросоюза. Евробюрократ напоминает магнитофонную кассету с записью соответствующей директивы и пространными велеречивыми рассуждениями о компромиссах, толерантности, взаимопонимании и других выхолощенных европейских ценностях.

На деле же демократия и компромиссы понимаются как безоговорочное подчинение требованиям евробюкрата, то есть как прямой и безапелляционный диктат. При этом европейцы не видят внутренней противоречивости свойственных представителям Евросоюза проповеди толерантности и авторитарного навязывания демократии.

Однако это далеко не самое худшее.

Ценностный кризис Евросоюза

Культурная и хозяйственная разнородность Евросоюза объективно обуславливают, как это было и в Советском Союзе, необходимость высокой идеологизации системы управления, так как именно идеологизация создает систему сверхценностей, ради которых можно жертвовать текущими материальными и иными интересами.

Однако идеологизация чревата снижением качества решений, как мы также видели на примере Советского Союза.

Кроме того, в настоящее время основа этой идеологизации – европейские ценности и расширение сферы их применения в рамках Евросоюза – сталкивается с двумя фундаментальными вызовами.

Прежде всего, противоречие между политическим равноправием его членов и различным уровнем их развития, как хозяйственного, так и культурного, ослаблено Лиссабонским договором — за счет равноправия. Надежды же на быстрое “подтягивание” новых членов к лидерам оказались столь же беспочвенными, что и аналогичные надежды советской цивилизации, — таким образом, Евросоюз сделал шаг назад от равноправия, что представляется существенной эрозией европейских ценностей.

С другой стороны, кризис, по всей видимости, остановил расширение как Евросоюза, так и еврозоны: у развитых стран больше нет ресурсов для расширения, а страны-кандидаты не могут выполнять требования (исключения — Хорватия для Евросоюза и Эстония для зоны евро — своей незначительностью подтверждают это правило). “Восточное партнерство” — лишь паллиатив, способ привязки к себе элит стран-соседей и расчистки юридического пространства для экспансии европейского бизнеса.

Таким образом, Евросоюз, этот экспансионистский и направленный на неуклонное расширение проект, из экстенсивного поневоле становится интенсивным, — и это на наших глазах начинает болезненно, хотя и неосознанно им самим, трансформировать весь его облик. Не стоит забывать, сколько прожил другой интеграционный, советский проект после того, как под давлением внешних обстоятельств отказался от территориальной экспансии.

Ведь отказ от насаждения своих ценностей, от их экспансии сам собой, автоматически ставит вопрос об их справедливости и подрывает их, а с ними — и идентичность их носителей. В самом деле: отказ от насаждения своих ценностей автоматически означает признание их неуниверсальности, то есть неполноценности в современном мире.

Болезненной проблемой Евросоюза является слабость европейской самоидентификации, даже на уровне элит, — если, конечно, ориентироваться на стратегические решения, а не на тосты и официальные заверения.

Неприятие континентальной Европой агрессии против Ирака в 2003 году создало для ее лидеров уникальную возможность освободиться от американской интеллектуальной опеки и начать самостоятельно определять свое развитие. Поразительно, что связанная с этой свободой ответственность смертельно напугала тогдашние европейские элиты, отвыкшие от нее, — и их паническое возвращение под комфортный контроль “старшего брата” (которого можно всласть порицать и винить во всех смертных грехах, включая собственные ошибки) стало сутью “трансатлантического ренессанса”.

Существенна для руководства Евросоюза, — возможно, из-за высокой идеологизации, — и проблема морали. Между тем, переписывание истории, насаждение демократии в новых “крестовых походах” в Афганистане, Ираке и Ливии при откровенно циничной толерантности к ее “дефициту” (по официальной формулировке) в Латвии и Эстонии, попустительство практике апартеида и государственной реанимации фашизма в некоторых странах Евросоюза, торговля людьми (продажа Милошевича за обещание 300 млн долл. правительству Джинджича, — без этой продажи они оба были бы живы), одобрение государственных переворотов под видом народного волеизъявления — всё это глубоко аморально и в корне противоречит европейским ценностям в том виде, в котором мы привыкли их признавать.

Проявлением морального кризиса Евросоюза является и априорная неравноправность сотрудничества с другими странами. Когда после 11 сентября 2001 года президент Путин в бундестаге на хорошем немецком языке предложил Евросоюзу пакт “энергия в обмен на технологии”, официального ответа ему так и не последовало. Неофициально же России дали понять, что она от Евросоюза никуда не денется, ее энергия все равно будет работать на Европу, а свои технологии Евросоюз оставит себе как гарантию конкурентного преимущества над Россией.

Понимание диалога с нашей страной как диалога всадника с лошастью обусловлен, с одной стороны, выработавшейся за конец 80-х, 90-е и 2000-е годы привычкой к отсутствию у России каких бы то ни было твердо отстаиваемых национальных интересов, а с другой — пониманием, что критически важная часть личных активов нашей “правлящей тусовки” находится именно в юрисдикции стран Евросоюза.

Однако такое понимание не способствует развитию сотрудничества, толкает Россию не столько к США, сколько к Китаю и еще раз подтверждает, что

всякая аморальность неминуемо подрывает жизнеспособность, – как отдельных людей, так и сообществ наций.

Мировой кризис делит членов Евросоюза на сорта

Мировой экономической кризис усугубляет проблемы Евросоюза.

Неожиданно обнажилась недостаточная жизнеспособность даже относительно старых его членов: чего стоит одно только появление у фондовых аналитиков аббревиатуры “PIGS” – Португалия, Италия (иногда называют Ирландию), Греция и Испания! Даже в этих странах, получивших колоссальную поддержку и породивших огромные надежды, проблемы удастся лишь несколько смягчать, – что же говорить о Восточной Европе?

В 2009 году только в Польше сохранился экономический рост, – причем, поскольку сохранение было достигнуто за счет девальвации, отставания по ВВП на душу населения избежать не удалось. Во всех остальных странах Восточной Европы спад отчетливо сильнее, чем во Франции (– 2,5%), однако он ниже германского (– 4,7%, что, возможно, вызвано “бременем” Восточной Германии) в успешной Чехии (– 4,1%) и близок к германскому в Словакии (4,8%). В 2010 году ни одной стране Восточной Европы (кроме продолжившей рост Польши) не удалось компенсировать провал 2009 года (правда, и из “старых” членов это удалось только Мальте и Швеции); в 2011 году это удастся лишь Словакии и Чехии.

Принципиален отказ развитых стран Евросоюза от существенной кризисной помощи новым членам*. Он правилен: и на себя денег нет, а благополучие зависимых стран определяется состоянием развитых, поэтому для выживания возможно большего числа слабых в замкнутой системе надо помогать сильным.

Однако этот отказ зафиксировал разделение “единой Европы” на страны даже не двух, а четырех сортов:

- крупных доноров;
- развитых стран, обеспечивающих свои нужды (как правило, не больших);
- крупных получателей помощи;
- неразвитых стран, не имеющих политического влияния для получения значимой помощи.

Это – крах основополагающей идеи Евросоюза об однородной, равно развитой и, соответственно, равно демократичной Европе.

Думаю, не только нам, но и самим европейцам исключительно важно понимать, что придет на смену этой идее.

Возможно, ассоциированные с Евросоюзом страны или новые его члены, принимаемые на принципиально новых условиях, станут “пятым сортом” стран Евросоюза?

Таблица 2.

Динамика ВВП стран Евросоюза

Страна	2007	2008	2009	2010	2011
Австрия	3.7	2.2	-3.9	2.0	2.4
Бельгия	2.8	0.8	-2.7	2.0	1.7
Болгария	6.4	6.2	-5.5	0.2	3.0
Великобритания	2.7	-0.1	-4.9	1.3	1.7
Венгрия	0.8	0.8	-6.7	1.2	2.8
Германия	2.8	0.7	-4.7	3.5	2.5
Греция	4.3	1.0	-2.0	-4.5	-3.0
Дания	1.6	-1.1	-5.2	2.1	2.0
Ирландия	5.6	-3.5	-7.6	-1.0	0.5
Испания	3.6	0.9	-3.7	-0.1	0.8
Италия	1.5	-1.3	-5.2	1.3	1.1
Кипр	5.1	3.6	-1.7	1.0	1.7
Латвия	10.0	-4.2	-18.0	-0.3	3.3
Литва	9.8	2.9	-14.7	1.3	4.6
Люксембург	6.6	1.4	-3.7	3.4	3.0
Мальта	4.4	5.3	-3.4	3.7	2.5
Нидерланды	3.9	1.9	-3.9	1.8	1.5
Польша	6.8	5.1	1.7	3.8	3.8
Португалия	2.4	0.0	-2.5	1.4	-1.5
Румыния	6.3	7.3	-7.1	-1.3	1.5
Словакия	10.6	5.8	-4.8	4.0	3.8
Словения	6.9	3.7	-8.1	1.2	2.0
Швеция	3.3	-0.6	-5.3	5.5	3.8
Финляндия	5.3	0.9	-8.2	3.1	3.1
Франция	2.3	0.1	-2.5	1.5	1.6
Чехия	6.1	2.5	-4.1	2.3	1.7
Эстония	6.9	-5.1	-13.9	3.1	3.3

* В 2011 году исключения были сделаны для Греции и Португалии.